

КЭРОЛАЙН ДАНФОРД

СМЕРТЬ В СЕМЬЕ

Вишенка британского детектива

Кэролайн Данфорд
Смерть в семье
Серия «Вишенка
британского детектива»
Серия «Эфимия Мартинс», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43627565

Смерть в семье: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-100844-4

Аннотация

В декабре 1909 г. преподобный Иосия Питер Мартинс скончался лицом в миске баранины с луком, оставив свою семью на грани разорения. Восемнадцатилетняя Эфимия Мартинс вынуждена обеспечивать свою мать и маленького брата самостоятельно и поступить на службу в поместье Стэплфорд-Холл. Но в первый же свой день в злополучном доме лорда Стэплфорда она обнаруживает тело убитого человека!

Врожденное чувство справедливости и почти неприличный для девушки уровень интеллекта заставляет Эфимию взяться за расследование убийства самой, и перед ней начинают раскрываться темные секреты семьи Стэплфордов. А между тем ей делают предложение, запирают в шкафах, заставляют

резать горы лука, обвиняют в убийстве и угрожают смертью! Ей остается только защищаться до последнего с помощью острого ума, чувства юмора и главного оружия всех порядочных девиц – пронзительного крика.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	43
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кэролайн Данфорд

Смерть в семье

© Павловская О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моим мальчикам, М. и К., – порой они вдохновляют, порой отвлекают, но делают и то и другое очаровательно, – а также Грэму, без которого многое было бы невозможно.

Глава 1

Серьезные последствия

В декабре 1909 года Англия готовилась ко всеобщим выборам, в России гремели громовые раскаты надвигавшейся революции, а мой отец, преподобный Иосия Питер Мартинс, упал лицом в миску баранины с луком, отдав Богу душу и оставив матушку, меня и моего младшего брата Джо на милость епископа Пэджета.

Матушка по душевному складу была из тех, кто остро реагирует на внешнюю сторону событий, в первые минуты упуская из виду долгосрочные последствия.

– Почему он не попросил убрать со стола, прежде чем это сделал? – возмутилась она, когда служанка прибежала с роковой вестью и отвела нас в столовую. – Знал же, что его найдут посреди обедков. Ох, Иосия...

Поскольку матушка крайне редко называла отца именем, данным ему при крещении, сразу стало ясно, что она потрясена и раздавлена.

– Он кажется таким умиротворенным... – деликатно сказала я. Отец и правда выглядел как человек, испытавший глубокое облегчение, будто он с радостью принял смерть, хоть та и застала его за скромной трапезой. Эта мысль помогла мне стерпеть ужасную, мучительную боль утраты.

– О, Эфимия, если бы только твой отец...

– Он ничего не мог поделывать, – резонно заметила я.

Мать надменно вскинула бровь:

– Не перебивайте, юная леди, это неприлично. Я собиралась сказать: если бы только твой отец не стал викарием.

– Думаю, матушка, он принял решение вполне осознанно.

– Ничего не могу сказать, это было до меня. – Она помолчала и тряхнула головой. – Нет, сами мы не справимся. Придется написать твоему деду.

– Я буду только рада, если он предложит нам помощь, но вы пишете этому человеку всю мою сознательную жизнь, матушка, а он ни разу не соизволил ответить.

– Не «этому человеку», Эфимия, а твоему родному дедушке.

– Он никогда не был мне настоящим дедушкой. – Я не хотела, чтобы эти слова прозвучали резко, но горе, лишившее меня сдержанности, распорядилось по-своему.

– Вся в отца, – буркнула мать и вышла из столовой.

В свои восемнадцать я, скромная девушка с густыми блестящими каштановыми волосами и умными серыми глазами, опасалась, что мне далеко до маминого идеала хорошей дочери и никогда к нему не приблизиться. Нас с ней разобщили долгие часы, проведенные мною в отцовском кабинете, где он старался передать мне все свои познания об окружающем мире, а еще учил аналитически мыслить и понимать то немногое о человеческой душе, что ему самому удалось по-

стичь за время службы священником. Матушка же считала, что интеллект «нужен юной леди как пара копыт и примерно так же привлекателен». Однажды я позволила себе заметить, что копыта да с подковами могли бы порой очень пригодиться для прогулок, и мой отец вынужден был молча стоять в сторонке, пока матушка отсылала меня спать без ужина.

Родители не были так уж близки, но без отца наше будущее в один миг сделалось опасно зыбким. На следующий же день после его смерти от епископа пришло извещение о нашем выселении. Так что, пока матушка скорбела у себя комнате и продолжала одностороннюю переписку с моим дедом, я, со своей стороны, развила бурную деятельность – взялась рассылать письма в разные поместья с просьбой нанять меня в услужение. Не знаю, откуда возникла эта идея – наверное, из самых глубин отчаяния. Но не могу не признать, что в тот момент определенную роль сыграл и дух романтизма, который мне так и не удалось истребить в себе, хотя я прекрасно видела, во что превратился брак моих родителей, заключенный по любви.

Разумеется, я приняла меры предосторожности, чтобы сохранить свою личность в тайне – попросила присылать ответы на адрес ближайшего почтового отделения и подписалась вымышленной фамилией. Служительнице почты я сказала, что забираю письма для своей кузины, которая скоро к нам приедет. Такая вопиющая ложь стоила мне бессонных ночей, но я не сомневалась, что все пройдет гладко и обман не

обнаружится. Тем не менее, когда после целого вороха резких отказов пришло нечто похожее на положительный ответ, у меня возникло желание пойти на попятную – ведь нужно было еще как-то рассказать обо всем матери...

Секрет мой раскрыл малыш Джо. Я сидела в спальне, размышляя, что из пожитков взять с собой в дорогу, когда у меня в руках будет приглашение на работу. Дверь вдруг распахнулась, и мой братец рыбкой нырнул под кровать.

– Прости, Эффи! – выпалил он оттуда. – Я не хотел тебя выдавать!

И немедленно из холла донесся голос матери:

– Эфимия Мартинс! А ну живо спускайся!

Я наклонилась и заглянула под кровать – братец тотчас метнулся в самый дальний угол с проворством паука, удирающего от веника.

– Джо, что ты натворил?

– Я не нарочно! Мама все говорила о том, как же нам дальше быть, и сказала, что от тебя никакого толку, потому что ты сиднем сидишь у себя. Я подумал, это несправедливо, и выболтал твой грандиозный план.

– Грандиозный план?..

– Я прочитал одно из твоих писем. По-моему, это гениальная идея, Эффи. Так ты сможешь познакомиться с каким-нибудь богатеньким дворянином, он в тебя влюбится и подарит кучу всяких драгоценностей, и еще большой дом. Ведь ты этого заслуживаешь, Эффи, больше всех в мире!

Знаешь, для сестры ты очень даже симпатичная. Может, у тебя будет столько денег, что ты купишь мне тех деревянных солдатиков, которых папа обещал подарить на день рождения.

– О Джо! Когда же ты перестанешь совать нос в чужие... – Я не договорила, услышав скрип ступеней – мать в тяжелом траурном платье поднималась по лестнице. Она подошла к моей комнате и остановилась на пороге, мрачная и торжественная, чтобы произвести впечатление. Несмотря на четыре фута десять дюймов¹ роста, ей удавалось сделать свое присутствие заметным в любом обществе – это была ее врожденная способность.

– Эфимия, я не стерплю такого позора.

Она произнесла это так, что мой братец забился под кровать еще глубже.

– Нам нужно на что-то жить, матушка.

– Эфимия! Девице твоих лет негоже рассуждать о подобных вещах, ты ничего в этом не понимаешь.

– Я понимаю, матушка, что нам не обойтись без еды. Особенно малышу Джо.

Матушка растерялась. В этот момент малыш Джо мне в помощь высунул из-под кровати ангельское личико, обрамленное белокуроыми кудряшками, и мать с тяжким вздохом опустила на тюфяк – будто сложился от безысходности гигантский черный бархатный веер.

¹ Английский фут равен примерно 30 см, дюйм – 2,54 см.

– Я буду работать не под своей фамилией, – продолжила я. – И поскольку нам всем придется покинуть этот дом, я смогу помогать вам с выплатой ренты за новый и за обучение Джо.

– Нам нужно освободить дом викария в течение двух недель. – Мать встала и, напомнив моему братцу, что у него сейчас урок латыни, вышла из комнаты, не обернувшись. Она не хуже меня понимала, насколько безнадежно наше положение.

За следующую неделю я не получила ни одного письма от работодателей, мать ходила по дому с окаменевшим лицом, и даже малыша Джо, как он ни старался, не удавалось заставить ее улыбнуться ни фирменными ужимками, ни шутками. Сначала она без устали паковала вещи, затем взялась за дело, которым еще не приходилось заниматься ни одной достойной леди, – начала искать коттедж, сдающийся внаем. А я со своей стороны приняла окончательное решение и написала очередное письмо. Именно оно и определило мою дальнейшую судьбу.

Ранним, по-весеннему светлым утром мы с матушкой столкнулись в холле – у каждой были важные новости, и матушка, как всегда, заговорила первой:

– Я нашла коттедж, Эфимия. Это, конечно, не то, к чему мы привыкли, зато он маленький и чистенький, с птичьим двором и загончиком для двух свиней и козы. Козье молоко – самое питательное. Я заключила договор аренды на три

месяца, мы переезжаем в следующий вторник. Кроме того, я навела справки в деревне и уже обзавелась четырьмя учениками, которые желают освоить игру на фортепиано под моим руководством. Думаю, их еще прибавится, когда мы там обустроимся. Разумеется, образованием Джо пока продолжу заниматься я сама, но надеюсь, со временем мы найдем ему гувернанта. Будь любезна, выбери в кабинете отца книги, которые вам с Джо могут понадобиться.

Я отлично понимала, чего ей стоила эта последняя просьба.

– А разве епископ Пэджет не запросил полную опись вещей?

Мать, как того требовали приличия, покраснела:

– Мы всё предоставим в надлежащем виде.

Я без зазрения совести обчистила бы «старого чудилу», как называл его отец, но меня удивило, что на это решилась матушка. Видимо, недоумение отразилось на моем лице, потому что она вздохнула:

– Ну в самом деле, Эфимия, обычно ты всегда готова нарушить любые правила!

Пришло время сказать ей главное. Но у меня почему-то не нашлось слов. Так что я просто отошла в сторону, чтобы стала видна сумка, набитая пожитками, без которых я не могла обойтись. Мать охнула, прикрыв рот рукой:

– Нет, ты все-таки...

– Извините, матушка. Я получила место в Стэпл-

форд-Холле.

Я почти что ожидала драматического заявления на тему «ты больше мне не дочь», так что ее реакция меня ошарашила. Мать обняла меня и шепнула «прости» так нежно, что я совсем потеряла дар речи. Она отступила на шаг и заговорила уже обычным тоном:

– Надеюсь, у тебя будет должность хотя бы старшей горничной. Было бы глупо отказаться от достойного положения в обществе в обмен на жалование не больше того, что я плачу служанке.

– У меня будет должность горничной с дополнительными обязанностями.

Мать издала громкое фырканье, неподобающее истинной леди:

– Стэплфорд-Холл! Всего лишь пародия на приличные дома.

– Думаю, поэтому его владельцы и согласились меня нанять. У меня же нет рекомендаций. Зато есть образование, и, надеюсь, мои хозяева это заметят. Я рассчитываю быстро дослужиться до экономки.

Мать вздохнула.

– Ты очень наивна, Эфимия. К счастью, я буду поблизости, когда тебя выставят вон из этого поместья. Коттедж находится в Литтл-Кросшор. Для тебя всегда найдется местечко подле нас с Джо. – Она произнесла это со всей торжественностью, хотя мы обе понимали, что без моего жалова-

нья выплачивать арендную плату за жилье, которое матушка мне описала, будет практически невозможно. Я сомневалась, что она станет такой уж востребованной учительницей музыки в деревне.

– Буду навещать вас, когда хозяева позволят.

– «Хозяева позволят», – повторила она. – Вот уж не думала, что моя дочь когда-нибудь произнесет такие слова.

В ее голосе стали проскальзывать драматические нотки, и я сочла, что пора уже благоразумно откланяться. Сказала, что из Стэплфорд-Холла за мной пришлют повозку на площадь, чем вызвала новую волну причитаний – «Простую повозку!» – поцеловала Джо и пообещала ему набор солдатиков, а затем вышла на яркое солнышко. Было 8 января 1910 года, и я готовилась оставить за плечами не только всю мою прежнюю жизнь, но и фамилию. Морозный воздух покалывал кожу, как лимонный сок, ветер выжимал слезы из глаз; однако, стыдно признаться, главным чувством, владевшим моей душой, когда я покидала дом своего детства, было предвкушение начала чего-то нового. Радостная дрожь нетерпения пробирала с ног до головы.

Дрожь усилилась в прямом и переносном смысле, потому что прямо надо мной разразилась гроза. Старенькой повозке понадобилось больше времени, чем предполагалось, чтобы одолеть размытую дождем сельскую дорогу, но, когда начали сгущаться сумерки, мы все-таки добрались до длинной трехколейки – неперемennого атрибута всех современных боль-

ших поместий. Возчик высадил меня на полпути к особняку, потому что ему пора было разворачиваться и ехать на ферму. Сумки пришлось тащить самой, зато хоть деревья давали укрытие от ливня – по крайней мере, теперь вода не струилась потоком по шее и не стекала из рукавов, словно из водосточных труб, как было всю дорогу в открытой повозке.

Стэплфорд-Холл вполне оправдал мои надежды. Это был большой дом, построенный по образу и подобию старых поместных особняков, но более компактный и современный, уютно сиявший окнами всех трех этажей, залитыми теплым газовым светом. Но прием, если можно так сказать, меня ожидал не слишком радушный.

– Эфимия Сент-Джон! Ничего себе имечко для прислуги! Папаша, видать, из аристократов? Сходил налево? Я у себя в штате не потерплю зазнаек.

Передо мной стояла высокая тощая женщина, похожая на заморенную голодом ворону. Это сходство усиливалось благодаря прическе – жиденькие, темные, необычно блестящие волосы были туго затянуты в пучок. Губы тонкой розовой линией перечеркивали бледное, угловатое лицо, с которого недобро смотрели маленькие черные глазки. Лично мне бы не хотелось, чтобы у меня в доме хозяйничала такая управительница. Я робко переминалась с ноги на ногу в луже дождевой воды, натекашей с меня на персидский ковер библиотеки, и при этом старалась сосредоточиться на разговоре, хотя мой взгляд неумолимо притягивали полки со стройными ря-

дами книг. Меня трясло от холода, но я надеялась, что в общении с работодателями это будет скорее преимуществом. Кроме того, я заметила, что настольная лампа отчаянно нуждается в чистке, и это добавило мне надежды на успех.

– Эй, девочка, ты что, язык проглотила?

– Вы можете называть меня Амелия, мисс. Это мое второе имя. – Мне хватило ума назвать настоящее имя, данное при крещении. Я пришла наниматься на работу без рекомендаций, и если бы выдумала имя и случайно его забыла, потом наверняка пришлось бы объясняться с полицией.

– *Миссис* Уилсон. Ко всем экономкам и кухаркам принято обращаться «миссис». И ты знала бы об этом, будь у тебя на самом деле опыт работы, как заявлено в твоём письме.

– Да, миссис Уилсон. – Я потупилась. – Вы правы.

Женщина-ворона громко фыркнула.

– Если я все же решу тебя нанять, ты быстро убедишься, что я всегда права. Но с какой стати мне брать на работу врунишку? Назови хоть одну причину.

– Я умею работать, миссис Уилсон. Возможно, раньше я и не служила горничной, но...

Дверь распахнулась, и вошли два джентльмена в смокингах, споря на ходу.

– Между прочим, этот старикашка был моим родным дядюшкой! – возмущался высокий, мощного телосложения мужчина с рыжими волосами и голосом, хриплым от злоупотребления алкоголем.

– А мне он был крестным отцом, Дикки, – перебил второй, пониже. Он казался, возможно, и не таким статным, как рыжеволосый великан, которого я мысленно окрестила Викингом, но мне в глаза сразу бросилось, как аккуратно он одет и причесан: галстук завязан безупречно, волосы набриолинены.

– Это, конечно, здорово, приятель, – рявкнул Викинг, – но кое-кому из нас приходится чертовски много вкалывать, чтобы заработать на жизнь. Все мое состояние... А это что тут такое, миссис Уилсон? Почему какая-то девица льет воду на мой персидский ковер?

Я, стиснув зубы, смиренно опустила голову.

– Прошу прощения за беспокойство, мистер Ричард, – торопливо сказала экономка, – я думала, вся семья после ужина собралась в гостиной и мы здесь никому не помешаем. Эта девушка претендовала на вакансию служанки.

– Претендовала? – переспросил тот, что пониже.

– Как выяснилось, она пыталась ввести меня в заблуждение своим письмом. Сомневаюсь, что она работала хоть один день в своей жизни.

Невысокий мужчина шагнул ко мне:

– Вы позволите? – Он взял меня за руки и принялся рассматривать кисти. У него были удивительно длинные пальцы, а прикосновения оказались мягкими и деликатными. Особенно его заинтересовали мои большие пальцы и ладони. – Могу предположить, что эта девушка привыкла много

писать, заниматься верховой ездой и выполнять легкую домашнюю работу.

Викинг расхохотался:

– Ну вот, товар-то бракованный, миссис Уилсон, хотя с виду лакомый кусочек! На свалку!

Не стерпев оскорбления, я вскинула голову, и невысокий мужчина, поймав мой взгляд, тотчас отвел руки.

– Ты не прав, Дикки, – сказал он рыжему.

– И кто же она, по-твоему? Незаконнорожденная принцесса?

– Вы, должно быть, оказались без средств к существованию? – продолжил невысокий, обращаясь ко мне. Говорил он сухо и смотрел на меня, будто оценивал в уме. Но помимо этого я прочла в его глазах симпатию.

– У меня умер отец... – Я замолчала, потому что силы внезапно меня покинули. Я замерзла, проголодалась и никогда еще не чувствовала себя такой беззащитной. Ужасно хотелось есть, спать и еще огреть дубиной Викинга за его оскорбительное нахальство, но я ни на секунду не забывала про матушку и Джо, о которых мне нужно было заботиться. Поэтому я смирила гордыню. – Он ничего не оставил мне в наследство.

– И кем же был ваш достопочтенный батюшка, юная леди? – поинтересовался рыжий Дикки.

– Я бы предпочла не отвечать на ваш вопрос, сэр.

– Я с вами согласен, миссис Уилсон, – отрезал рыжий. – В

этом доме не место обманщицам. Отошлите девицу восвояси.

– Как пожелаете, мистер Ричард.

– Пойдите, – вмешался невысокий джентльмен. – Посмотрите-ка мне в глаза, мисс. Вы скрываете имя отца, потому что для вас это дело чести?

– Да, сэр. – Я почувствовала укол совести, но взгляд не отвела.

Невысокий повернулся к экономке:

– В таком случае, миссис Уилсон, давайте дадим девушке шанс. Назначьте ей испытательный срок. У нас сейчас все равно не хватает прислуги.

Миссис Уилсон поджала губы:

– Раз уж такова ваша воля, мистер Бертрам, мне возражать нечего. Завтра утром я обо всем доложу хозяйке. А теперь позвольте откланяться. Идем, девочка. – Она отодвинула стенную панель, которая издавала казалась обычными рядами книжных полок, и вывела меня в потайной коридор для прислуги. – Ты можешь пудрить мозги мистеру Бертраму, но не мне, – шепнула экономка. – Посмотрим еще, что на твой счет скажет хозяйка. Она тоже не из тех, кого легко обдурить.

С этими словами миссис Уилсон ощутимо толкнула меня в поясницу, и я оказалась в абсолютной темноте. Панель за нами задвинулась с легким щелчком хорошо смазанного механизма, где-то над головой лязгнул металл. Как только свет

из библиотеки исчез, я замерла, и миссис Уилсон пнула меня еще раз:

– Пошевеливайся. Настоящие служанки знают, что, пока ужин не подан, нельзя терять время.

Я устремилась вперед на ощупь, не желая оставаться дольше необходимого в этой черной ловушке наедине со старой гарпией. Через несколько минут мои глаза привыкли к темноте, и вскоре я, в точности как в той поговорке, увидела свет в конце туннеля. По мере того как мы приближались к выходу, все громче становился шум, который то и дело перекрывали истошные вопли какой-то сердитой женщины.

Коридор для прислуги вывел нас в кухню. Дым там стоял коромыслом, и в первую секунду мне показалось, что по тесному помещению мечутся как минимум человек тридцать. Войдя, я проворно подалась в сторону, чтобы не получить очередной пинок от миссис Уилсон, и наступила на чью-то огромную, безупречно начищенную штиблету.

– Это мистер Холдсуорт, дворецкий, – холодно сообщила миссис Уилсон.

– Простите, сэ, – смутилась я.

Владелец штиблеты – высокий, средних лет человек с угрюмым лицом – молча смотрел на меня сверху вниз. Взгляд у него был суровый, но, судя по морщинкам у глаз и рта, он был не чужд веселью и часто улыбался. Я присела в книксене и изо всех сил постаралась изобразить на лице дружелюбие, однако он лишь бесстрастно произнес:

– Не делай так больше.

Помещение было по-современному обставлено и ярко освещено. Блестящие кастрюли и горшки выстроились стройными рядами. Высокие окна были распахнуты, но зимний воздух не мог победить знойную духоту, царившую в кухне, где все кипело и клокотало в преддверии семейного ужина.

– Это Мэри, – указал дворецкий на хорошенькую девушку с веснушками и каштановыми кудряшками. – Иногда мы зовем ее Мэрри² за веселый нрав.

Я покосилась на него, ожидая увидеть улыбку, но на сумрачном лице не обнаружилось ни единого признака несерьезности. Зато у Мэри рот был до ушей, когда она бросилась ко мне и тепло пожала руку:

– Ну наконец-то помощь подоспела! – Она хихикнула. – Как здорово, что теперь у меня будет с кем поболтать. Агги не в счет, она говорит только о том, как побыстрее почистить кастрюли.

– Агги – посудомойка, – пояснил мистер Холдсуорт. – А это великолепная миссис Дейтон, она как раз заканчивает приготовления к ужину. И в такие минуты от нее лучше держаться подальше. Может, Мэри покажет девушке комнату для прислуги, как считаете, миссис Уилсон? Ей неплохо бы переодеться, она промокла насквозь. – Дворецкий посмот-

² В английском языке имя *Mary* (Мэри) созвучно прилагательному *merry* («веселый, радостный»).

рел на меня. – Мы уже полдничали, но думаю, миссис Дейтон найдет тебе что-нибудь перекусить после того, как хозяйева поужинают. Она тогда будет поспокойнее.

– Мы еще ничего не решили насчет жилья для Эфимии, – проворчала миссис Уилсон. – Но вы абсолютно правы, мистер Холдсуорт: девушка мокрая как мышь и уже успела натоптать грязи в библиотеке. Мэри, проводи ее туда, но сначала прихвати каких-нибудь тряпок. Ковер нужно вычистить до того, как джентльмены устроятся в библиотеке выпить виски. Если справишься как следует, Эфимия, я, может статься, замолвлю за тебе словечко перед хозяйкой.

Я заставила себя кивнуть и произнести:

– Да, миссис Уилсон. Спасибо, миссис Уилсон, – хотя с удовольствием затолкала бы упомянутые тряпки в ее тощую глотку. Этот порыв я все-таки подавила и даже сделала книксен напоследок.

– Ты не обязана передо мной приседать, – буркнула она, но могу поклясться, ей это понравилось. Экономка принадлежала к той же породе людей, что и епископ Пэджет, и я ее уже ненавидела.

Мэри куда-то сбегала, вернулась с охапкой тряпья и кивком поманила меня за собой.

– Не смейте попадаться на глаза хозяевам, – потребовала миссис Уилсон, когда мы выходили в потайной коридор для прислуги.

– О боже мой... – чуть слышно выдохнула я.

– Не обращай на нее внимания, – отозвалась Мэри. – Старая карга большую часть времени проводит в обнимку с бутылкой и не так уж часто нас беспокоит. – Она остановилась у прохода в библиотеку. – Обратную дорогу найдешь?

Я кивнула в полутьме.

– Вот и хорошо, тогда увидимся позже. Но вот на глаза джентльменам тебе и правда лучше не попадаться – ты так промокла, что кажется, будто на тебе вовсе нет одежды. – Мэри снова хихикнула и дружески подтолкнула меня к библиотеке.

Оглядев себя при газовом освещении, я пришла к выводу, что новая знакомая права: мокрая одежда плотно облепила мое тело. Неудивительно, что рыжий мистер Ричард позволил себе сказать то, что сказал. Отогнав эти мысли, я опустилась на колени, решив побыстрее расправиться с заданием. Но руки окоченели от холода и едва шевелились, а на тряпках обнаружили маслянистые разводы – похоже, их не раз использовали для полировки. Паркетного масла было столько, что тряпки отказывались впитывать воду с ковра.

Я терла ковер изо всех сил, думая лишь о том, как бы поскорее вернуться в душное тепло кухни. В конце концов я решила, что сделала все возможное в предложенных обстоятельствах, но, поднявшись на ноги, увидела в том месте на ковре, где только что сидела, еще одно мокрое пятно. Проклиная злокозненность миссис Уилсон и собственную глупость, я расстелила самую сухую тряпку у края нового пят-

на и, снова опустившись на колени, взялась за неподъемную задачу. Больше всего я боялась, что меня выставят из дома, не накормив; кроме того, хотелось доказать самой себе, что я чего-то стою. И то и другое придавало мне сил.

Целую вечность спустя я встала и обвела взглядом ковер. Результат стараний не обнадеживал: стало еще хуже. Теперь светлый узор ковра был неравномерно покрыт слоем паркетного масла. Я чуть не взвыла от безнадёги.

Где-то внизу хлопнула дверь – вероятно, джентльмены поужинали и направлялись в библиотеку. Выбор у меня был такой: предстать в моем нынешнем виде либо перед ними, либо перед миссис Уилсон. В итоге я предпочла отступить. Отодвинула стенную панель, нырнула во мрак коридора для прислуги, сделала несколько шагов и, неожиданно споткнувшись обо что-то, растянулась на полу.

К счастью, я так одеревенела от холода, что даже не почувствовала боли от падения. Глаза еще не привыкли к темноте, но пальцы определенно нащупали мужской ботинок, пробежали по нему вверх и подергали штанину. «Прошу прощения», – прошептала я, уже смутно осознавая, что в этой черной массивной фигуре на полу есть что-то неправильное, и начала отползать обратно к стенной панели. Сердце колотилось все быстрее. Я с треском отодвинула панель, в коридор хлынул свет из библиотеки, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить увиденное.

Полоса бледного желтоватого света выхватила из темно-

ты джентльмена средних лет в смокинге. Он лежал на спине, странно вывернув конечности, и смотрел в одну точку. Правая рука была прижата к груди; вокруг него растеклась какая-то жидкость. Я толкнула панель, расширив проем, и картина явилась мне во всех красках: алая лужа крови, серебристый блеск ножа, торчащего из груди, и светло-голубые остекленевшие глаза на белом лице. Лишь тогда я окончательно поняла суть своей находки.

Глава 2

Труп в библиотеке

Я обдумала возможность грохнутья в обморок на манер приличных леди, но быстро отмела этот вариант действий, приняв во внимание свое нынешнее положение: я была служанкой, к тому же от природы не имела склонности лишаться чувств и не представляла, как это делается. Вместо этого я совершила то, что, как мне казалось, дамы с тонкой душевной организацией всегда проделывают, оказавшись наедине с трупом, – пронзительно завизжала и бросилась прочь из библиотеки.

Бегство получилось несколько хаотичным, поскольку я промерзла до костей и плохо соображала. Но мне все же удалось распознать главную дверь по размеру; я, задыхаясь, вылетела на галерею и, не успев затормозить, на полной скорости врезалась в перила. Мой визг резко прервался – железное ограждение выбило из грудной клетки весь воздух.

В холле, футах в пятнадцати подо мной, дворецкий, которому я недавно наступила на ногу, как раз направлялся к входной двери. Он остановился и уставился на меня взглядом испуганного карпа. Колокольчик у входа зазвонил громко и настойчиво – видимо, не в первый раз. Мистер Холдсорт встряхнулся, возвращая себя к действительности, ото-

рвал от меня взгляд и невозмутимо продолжил путь по черно-белой плитке холла.

– Труп... – выдохнула я, навалившись на перила. И повысила голос: – В библиотеке – труп!

Я видела, как вздрогнули плечи дворецкого, но он даже не замедлил шаг. Ясное дело, решил, что не позволит какой-то чокнутой девице отвлекать его от исполнения служебных обязанностей.

Внезапно почувствовав головокружение, я нащупала ледяными пальцами перила и вцепилась в них. Выложенный плиткой пол поплыл у меня перед глазами, а элегантные лестничные пролеты, обрамляющие холл, потекли куда-то белопенными мраморными реками. Великолепный персидский ковер, уложенный посреди холла, устремился за ними, вступил в столкновение с черно-белой плиткой, и узор начал пульсировать и завихряться.

Самыми вероятными в тот момент мне представились два варианта развития событий: я могла оросить эту прекрасную картину остатками завтрака или нырнуть вниз и разукрасить ее собственными мозгами. В общем, я собиралась напачкать похуже, чем в библиотеке, но вдруг послышался топот, чьи-то сильные руки дернули меня назад и тем самым спасли от позора, а может, и от верной смерти.

– Боже милостивый, Холдсуорт! – прозвучал у меня над ухом хорошо поставленный женский голос, которого не постеснялась бы выпускница элитной семинарии. – Старая

карга экономка теперь удумала топить прислугу?

Меня принялись осторожно усаживать в кресло на галерее, а когда я слабо возразила – мол, одежда же мокрая, – усадили насильно, велев не рыпаться.

– Полагаю, новая служанка проделала долгий путь во время грозы, – отозвался Холдсуорт, и его голос донесся до меня словно сквозь вату. – Миссис Уилсон немедленно оказала ей любезность, доверив вычистить ковер в библиотеке перед ужином. – Говорил он вполне уважительным тоном и вместе с тем дал понять, что не одобряет поведение экономки. Холдсуорт был безупречным дворецким.

– Черт бы побрал эту стерву! – воскликнула моя спасительница. Ее манера выразиться мгновенно вернула мне ощущение реальности, и я впервые получила возможность рассмотреть, кому обязана жизнью.

Передо мной стояла молодая рыжеволосая женщина с обворожительными зелеными глазами. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не слишком выдающаяся волевая челюсть. Разглядеть одежду мне не удалось, поскольку на женщине был подбитый мехом малиновый плащ с капюшоном, зато я увидела самые прекрасные в мире коричневые сапожки на пуговицах. Они поднимались, судя по всему, гораздо выше ее стройных лодыжек, защищая от зимнего холода. Как же мне хотелось согреться! Но долг был прежде всего.

– В библиотеке труп, мисс. – Мне было неловко за такую

вульгарную новость, но сообщить о своей находке по-другому не представлялось возможным.

Как в плохой театральной пьесе, Холдсуорт и молодая леди хором повторили мои слова. Разумеется, они ждали разъяснений.

– Я чистила ковер в библиотеке, но только напачкала еще больше...

– Да уж понятно, – кивнула рыжеволосая.

Я затараторила дальше, уже не думая о приличиях, потому что все это нужно было выложить одним махом, иначе мне никогда не удалось бы досказать историю до конца.

– Кажется, я услышала шаги в коридоре для прислуги, но в ту же секунду споткнулась о труп – на полу лежал мужчина. У него из груди торчал нож.

Вместо того чтобы начать охать и ахать, слушатели внимательно смотрели на меня с очень серьезными лицами.

– Это правда, – пролепетала я. – Господь мне свидетель.

Холдсуорт нахмурился и издал легкое покашливание – все правильные дворецкие так делают, перед тем как сообщить, что чье-то понимание ситуации в корне неверно. Но молодая леди не дала ему изречь дворецкую мудрость, заговорив первой:

– Холдсуорт, звони в полицию.

– Конечно, мисс Риченда. Но вы же не думаете, что эта девушка отдает себе отчет в своих словах? У нее лихорадка, в голове помутилось от холода и голода.

– Не исключено. Но взгляд у нее вроде бы осмысленный. В приютах я видела много голодающих людей и лихорадку тоже наблюдала. По-моему, девушка выглядит скорее потрясенной. Собственно, знакомство с миссис Уилсон для кого угодно будет потрясением. – Мисс Риченда расхохоталась в неподобающей леди манере, и это было настолько несообразно обстоятельствам, что мне на глаза навернулись слезы.

– Уверен, скоро выяснится, что ничего страшного не произошло, – успокаивающе произнес дворецкий.

– Так давайте проверим, – заявила мисс Риченда. – Идем, девушка, показывай, где твой труп.

Я с удивлением обнаружила, что ноги еще способны меня нести, и неверным шагом двинулась вперед. В библиотеке все осталось по-прежнему: отодвинутая стенная панель открывала проход в коридор для прислуги. В свете газовых ламп я увидела тень от ног лежащего мужчины и, обернувшись, указала спутникам в полумрак коридора. Мисс Риченда решительно шагнула в проход.

– Боже милостивый! А девушка права, Холдсуорт. Иди взгляни!

– Благодарю, мисс Риченда, я поверю вам на слово, если не возражаете. Пойду звонить в полицию и заодно извещу хозяев.

– Валяй. Принеси-ка мне лампу, эй.

– Я, мисс?..

– А, нет, поставь на место. Лучше помоги мне вытащить

его на свет.

Я всегда знала, что судьба прислуги не сахар, поэтому замурилась, шагнула в коридор и взялась за ногу трупа.

Оказывается, мертвые тела невысказанно тяжелые – будто бы пустое место, освобожденное душой, после смерти занимает какая-то неподъемная субстанция. Понадобилось довольно много времени, нецензурных высказываний рыжеволосой леди и пыхтения с моей стороны, чтобы приволочь труп в библиотеку, под свет газовых ламп.

На беду, именно в этот момент вошла Мэри. Она уставилась на плоды наших трудов и немедленно начала всхлипывать.

– Ох ты боже мой, – выпалила мисс Риченда, – это же кузен Жоржи!

Мэри взвыла.

Прежде я не слышала, как люди по-настоящему воют, – отец никогда не брал меня с собой на местные похороны. И, пожалуй, мне бы не хотелось еще раз услышать тот пронзительный, душераздирающий звук, исходивший от Мэри. Вой не смолкал. Мисс Риченда, вероятно, тоже уже не могла это терпеть, потому что подошла к девушке и вlepила ей пощечину. Вой мгновенно прервался, Мэри съежилась, обалдело вытаращив глаза.

– Что с тобой такое? Это же мой кузен, а не твой, – озадаченно сказала рыжая.

– Думаю, дело в том, мисс, что люди по-разному реагиру-

ют на чужую смерть, – попыталась я объяснить, подойдя к дрожавшей Мэри и обняв ее одной рукой за плечи. Рукав у меня был все еще мокрый. – Не у всех такие стальные нервы, как у вас.

– Хм, да ты вроде бы тоже не верещала как банши³. – Мисс Риченда замолчала.

Я тоже хранила молчание, переживая, что своей последней репликой могла ее задеть.

– Что тебе понадобилось в библиотеке, Мэри?

– Мистер Холдсуорт прислал меня на подмогу, – пролепетала девушка.

При этих словах я не сумела сдержать улыбку, и мисс Риченда ее заметила, но вместо того чтобы пожурить меня, она и сама ухмыльнулась:

– Хороша подмога!

– И еще я должна передать, – смущенно добавила Мэри, – что хозяйка желает видеть Эфимию.

– Ой-ёй, если мачеха призывает тебя пред светлы очи, лучше не медлить, – сказала мисс Риченда. – Очередная жена моего отца умеет говорить ласково, но она мегера пострашнее Уилсон.

С одной стороны, ее комментарий не обнадеживал, но с другой, я была благодарна за предупреждение. Сделав кник-

³ *Банши* – персонажи ирландского фольклора, покровительницы древних семейств Ирландии, а также вестницы смерти и плакальщицы, издающие пронзительные крики, когда умирает кто-то из их подопечных.

сен, я выжидательно взглянула на Мэри.

– Я провожу Эфимию, мисс, она же здесь новенькая. Вы сможете тут побыть одна... с ним? – На последнем слове голос Мэри жалобно дрогнул.

Риченда махнула рукой:

– Я его пока посторожу, а вы пришлите сюда этого слабака Холдсуорта. Вдвоем будет веселее.

Мы с Мэри послушно присели в книксене. К моим замерзшим конечностям начала возвращаться чувствительность, в коленях и лодыжках появилась покалывающая боль – я слишком долго ползала по ковру, вытирая грязь. Работа служанки оказалась куда хуже, чем я ожидала, а ведь меня еще даже не приняли в штат...

– Она ждет тебя в зеленой гостиной. – Скинув с плеча мою руку, Мэри выскочила на галерею и теперь стремительно спускалась по лестнице в холл. – Скорей, нам нельзя попадаться на глаза хозяевам.

– А почему мы не пошли по коридору для прислуги? – спросила я, неуклюже пытаясь не отставать, насколько позволяли мокрые юбки, липнувшие к ногам. Получалось у меня плохо – Мэри при всей ее субличности оказалась очень шустрой.

– Ни за что на свете туда не сунуться! – выпалила она. – А вдруг убийца все еще там?

– Из того коридора есть проход не только в библиотеку, – заметила я. – Так что убийца мог затаиться в любой из ком-

нат. В доме теперь повсюду небезопасно.

Мэри остановилась, и я получила возможность отдышаться.

– А ты умная, да? Хозяйка не любит, когда умничают, Эфимия.

– С ее светлостью я буду вести себя скромно и услужливо, – заверила я.

Мэри, склонив голову набок, смирила меня взглядом с ног до головы.

– Сомневаюсь, что у тебя получится, – сообщила она, немного поразмыслив. – Ты не такая, как другие служанки. Есть в тебе что-то... пока не могу понять, что...

– Ты так расстроилась в библиотеке. Сейчас тебе лучше? – попыталась я сменить тему.

– Это я от неожиданности разоралась.

– Возможно. – Я мило улыбнулась. – Только мне показалось, тут было нечто большее. Пока не могу понять, что...

– Зеленая гостиная там.

Мэри зашагала в указанном ею самой направлении и после головокружительного количества поворотов остановилась перед широкой двустворчатой дверью в пастельных тонах. По-моему, мы сейчас были в восточном крыле, но я бы не поручилась.

– Ну вот, пришли, – сказала Мэри. – Не стучи – хозяйка ненавидит, когда стучат. Говорит, это действует ей на нервы.

– Но я же не могу войти без предупреждения. Это невеж-

ливо, и потом, я боюсь ее потревожить.

– О чем это ты? – уставилась на меня Мэри, уперев руки в бока. – Мы же служанки. Хозяевам до нас нет никакого дела. Они вспоминают о нашем присутствии, только когда им нужна еда, теплая вода или перестановка мебели. Мы в доме вообще не в счет.

Я уже поняла, что выдала себя, но, помимо подозрения, уловила в голосе Мэри нотки горечи. Надо было как-то выкручиваться.

– Извини, – быстро сказала я. – Леди, которой я прислуживала, предпочитала, чтобы мы стучали.

– Ты же говорила, что раньше не работала.

– Я говорила?.. Это была не работа, а что-то вроде стажировки. Меня обучали ремеслу горничной в качестве одолжения.

К счастью, Мэри не спросила, кто оказал мне одолжение. Она задумчиво пощипала зубом и кивнула самой себе, будто одобрила какую-то мысль, пришедшую ей в голову.

– В тебе точно есть что-то странное, но я никогда не забуду, как ты была добра ко мне, когда я разревелась в библиотеке, – сказала она, уходя.

В зеленой гостиной царил дух увядания, и леди Стэплфорд, расположившаяся в кресле, повернутом спинкой к камину, идеально вписывалась в обстановку. Депрессивное впечатление усиливал шум дождя, барабанившего по оконным стеклам. В камине лежала охапка засохших цветов. То

есть в комнате было очень холодно.

Хозяйка оказалась худенькой леди, закутанной в сто одежек. Мой взгляд задержался на ее лице всего лишь на секунду, но в ее глазах было столько удивления и недовольства, оттого что прислуга дерзнула поднять взор, что я тотчас потупилась и смиренно подошла ближе. Тем не менее по пути мне удалось отчасти рассмотреть гостиную. Шторы были задернуты, комнату освещали развешанные на стене газовые лампы, от которых падали длинные колышущиеся тени. Здесь было слишком много мебели: кресла и диваны разных габаритов теснились в художественном беспорядке, который кто-нибудь мог бы назвать и бардаком. Рядом с леди стоял журнальный столик, заваленный кучей вещей; вокруг по всей комнате выстроились его собратья, тоже уставленные безделушками, китайскими вазами и стеклянной посудой. Я осторожно пробралась между всем этим добром и остановилась напротив кресла. Чувствовала я себя как на аудиенции у чрезвычайно важной персоны – именно этого от меня, по всей видимости, и ожидали. Вернее, я чувствовала, что меня соизволила принять персона, считающая себя чрезвычайно важной.

– Стало быть, ты та самая девушка, которая нашла труп в моей библиотеке? Какое безобразие!

Леди Стэплфорд говорила с легким французским акцентом, но в остальном ее английский был безупречен. Она лишь чуть заметнее смягчала конечные согласные, по срав-

нению с уже знакомыми мне детьми лорда Стэплфорда – их произношение отличалось аристократической чеканностью. Риченда назвала леди Стэплфорд очередной женой своего отца, и либо осуждение в ее голосе было беспочвенным, либо лорд Стэплфорд славился неумеренной страстью к увядающим блондинкам за сорок.

Всё в леди Стэплфорд казалось мягким – от пушистых светлых волос до целого вороха лент и кружев. Вероятно, когда-то она была сказочно прекрасна, но сейчас искра юности и красоты уже угасла в ней. В пронзительных синих глазах я видела тень безысходности, осознание полного поражения в борьбе с возрастом. В отличие от моей матери, которая красотой никогда не блистала, и потому ей нечего было терять, леди Стэплфорд с глупым отчаянием пыталась удержать свою молодость и французский шарм.

– Да, мэм, – ответила я, убеждая себя, что «безобразием» она считает наличие трупа, а не то, что мне удалось его найти.

– У нас ничего подобного не случилось с тех пор, как я стала хозяйкой Стэплфорд-Холла.

– Это очень печальное происшествие, миледи.

– А, собственно, что ты делала в библиотеке, девушка?

– Вытирала ковер, миледи.

– Вытирала? Он что, был мокрый? – Ледяной взгляд сапфировых глаз пробежался по моей одежде.

– По дороге в Стэплфорд-Холл я попала под дождь, ми-

леди.

– И ты решила обсушиться, повалявшись на моем персидском ковре в библиотеке?

Теперь то, что покрывало пол в библиотеке, походило на персидские ковры не больше, чем половичок у входа в наш с матушкой бывший дом, но я благоразумно решила не сообщать об этом.

– Нет, миледи. Миссис Уилсон изволила пригласить меня в библиотеку на собеседование, – сказала я и выдержала еще один ледяной тяжелый взгляд. – С одежды натекло...

– Натекло?! – Леди Стэплфорд повторила это с таким возмущением, будто я призналась в краже столового серебра.

– Мне очень, очень жаль, миледи. На дворе гроза, и я вымокла насквозь, пока шла по аллее.

– Шла по аллее? Ты что, просто проходила мимо и решила заглянуть в дом, побеседовать с моей экономкой?

– Конечно, нет, миледи. Я получила письмо с извещением о приеме на работу.

– Как тебя зовут?

– Эфимия Сент-Джон, мэм.

– Какое нелепое имя для служанки! Рекомендую тебе сменить его, когда будешь искать работу.

Прозвучало это очень нехорошо, поэтому я постаралась изобразить смиренность и раскаяние:

– Я от всей души надеялась получить работу здесь, миледи.

– Девушка, у тебя не только смехотворное имя, которое кому-нибудь может показаться фальшивым, но ты, ко всему прочему, нашла труп в моей библиотеке!

– Он был в коридоре для прислуги, мэ, – уточнила я.

– Что за чушь?! Племянник моего мужа никогда бы не зашел на территорию слуг! – Леди Стэплфорд даже порозовела от негодования. – Со слов Холдсуорта я поняла, что труп лежит на моем персидском ковре.

– Но он...

– Ты что, собираешься со мной спорить?

Разговор с леди Стэплфорд все больше походил на какую-то причудливую игру в шахматы, в которой фигуры меняли расположение, повинаясь ее прихоти. Я прекрасно понимала, что хозяйка дома огорчена и, может быть, даже напугана смертью своего родственника, поэтому она сердится и ей нужно на ком-нибудь сорвать злость. К сожалению, я подвернулась под руку. Так что в этой игре без правил стояла на кону не только моя гордость, но и перспектива долгой дороги домой в непогоду.

Я сделала книксен.

– Ни в коем случае, мадам. Вы совершенно правы. Должно быть, это убийца положил труп в коридоре для прислуги.

– Убийца?..

– Мы с мисс Ричендой перетащили покойного в библиотеку.

Леди Стэплфорд откинулась на спинку кресла с таким ви-

дом, будто намеревалась лишиться чувств. Откуда-то из-под пышных юбок появился старомодный веер, и она принялась вяло им обмахиваться, одновременно указав мне на графин с водой, стоявший на журнальном столике рядом с креслом. Я намек поняла и, налив воды в стакан, протянула его хозяйке, не забыв сделать еще один книксен. Длинные, покрытые алым лаком ногти царапнули мой указательный палец, когда она принимала у меня стакан. Затем леди Стэплфорд с большим усилием сделала пару глотков и вернула стакан мне таким резким жестом, что остатки воды едва не расплескались. Еще немного, и я вымокла бы еще больше, если это, конечно, в принципе было возможно.

– Правильно ли я поняла, – начала леди Стэплфорд прерывающимся голосом, – что ты уговорила мою падчерицу помочь тебе переместить труп? Ты взяла покойного племянника моего мужа и отнесла его в библиотеку?

– Мы... э-э... отволокли его, миледи, – сообщила я, сокрушаясь о том, что отец научил меня всегда говорить правду.

– Отволокли?..

– Взяли за ноги – она за правую, я за левую – и отволокли.

Веер запорхал быстрее, поэтому я предусмотрительно подлила в стакан воды. Намахавшись веером и опустошив стакан до дна, леди Стэплфорд пробормотала:

– Эта девица совершенно неуправляема.

И вот тут во мне затеплился огонек надежды: она опреде-

ленно имела в виду Риченду. Так что я затаила дыхание и ждала решения своей участи.

– Не думай, что я тебя простила, девушка. Однако никто не назовет меня несправедливой.

– Уверена, никому это и в страшном сне не приснится, миледи.

Будто не услышав меня, леди Стэплфорд продолжала:

– Из христианского милосердия я распоряджусь накормить тебя остатками еды, перед тем как ты покинешь поместье.

– Покину? – вырвалось у меня. – В этот поздний час? В грозу?

– Ну и что? Дождик еще никому не навредил.

– Дождик, – чуть слышно повторила я и уже собиралась исправить представление леди Стэплфорд о христианском милосердии, но в тот момент у меня за спиной открылась дверь.

– Полиция, ваша светлость, – объявил Холдсуорт.

Вошел невысокий коренастый человек в зеленоватом котелке и поношенном, лоснящемся костюме. Наткнувшись по дороге на пару предметов мебели, он все же добрался до нас и заговорил:

– Добрый вечер, миледи. Я разыскивал девушку, которая нашла труп, и мне сказали, что она беседует с вами.

Леди Стэплфорд указала на меня кивком:

– Я как раз велела ей убираться восвояси.

– О, я бы не рекомендовал отсылать ее из поместья, ми-

леди. Это, прошу прощения, будет выглядеть подозрительно. И в любом случае инспектор захочет ее допросить. Пусть лучше девушка побудет здесь, пока расследование не закончится. Кто знает, что она за птица, поймите меня правильно.

Леди Стэплфорд взглянула на меня с откровенной неприязнью, но перспектива долгой прогулки под проливным дождем явно откладывалась, и это уже было хорошо. Я одарила своего спасителя лучезарной улыбкой.

Глава 3

Полиция вступает в дело

– Не сочтите за злую насмешку, мисс, но вы сейчас похожи на хорошо пропитанный сиропом бисквитик, – сообщил седовласый сержант Дэвис, наливая мне вторую чашку. – У нас, конечно, не заведено поить чаем свидетелей преступлений, но могу себе представить, как рассердится инспектор, если вы скончаетесь от пневмонии до того, как он успеет допросить вас лично.

Мы сидели за столом в чудесной, светлой, теплой кухне миссис Дейтон. Сержант пододвинул мой стул поближе к плите. Стул был жесткий, с простым деревянным сиденьем, но никогда в жизни мне еще не было уютнее. Я блаженно пила маленькими глоточками горячий чай, любуясь звездами, мерцавшими на ночном небе в окне за спиной мистера Дэвиса. Даже леди Стэплфорд не удалось бы сейчас вытолкнуть меня в эту тьму при всем ее христианском милосердии.

– Так, щечки вроде бы уже порозовели, – констатировала грозная миссис Дейтон, которая самоотверженно осталась на посту, чтобы обеспечить хозяевам с прислугой реки чая и горы закусок в кризисной ситуации.

У меня защипало глаза от слез. Эти два человека, знакомые со мной всего лишь несколько часов и имевшие все

основания подозревать во мне убийцу или, по крайней мере, сомнительную личность, были вопреки всему невероятно добры.

– Ну что ты, что ты, детка? – заглянула мне в лицо миссис Дейтон. – Не расстраивайся! У нее был трудный день, офицер. И все, что ей нужно сейчас, – это хорошенько выспаться в теплой постели.

Сержант Дэвис достал записную книжку, откинул с деловитым видом крышку переплета, достал из-за уха карандаш, послюнил кончик грифеля и занес его над чистой страницей.

– Насколько я понял, эту юную леди еще не приняли на работу, так что теплой постели для нее тут может и не найтись. – Он сделал многозначительную паузу. – В этом случае мне придется забрать ее с собой в участок и предоставить койку в камере.

Я чуть не подавилась чаем.

– Прошу прощения, мисс, – развел руками сержант, – но я не хочу, чтобы вы оказались на улице и всю ночь разгуливали под дождем.

– А я не хочу оказаться в тюрьме, – жалобно сказала я и добавила глупость, которую говорят все преступники: – Я же ни в чем не виновата.

– Может, и не виноваты, но у нас действует закон о бродяжничестве, так что, если вас выставят из поместья, мне придется последовать за вами и все равно задержать, только чуть позже. Гораздо лучше будет, если вы сразу пойдете со

мной в качестве гостыи, а не арестантки. Обещаю походить за вами, чтобы вам дали одиночную камеру.

Тут я краем глаза увидела притаившуюся за дверным косяком миссис Уилсон. Она стояла в темноте коридора, но лунный свет упал на ее лицо, и я заметила злорадную усмешку. Наверное, сержант тоже ее заметил, потому что он добавил:

– Конечно, приятного в этом мало. Стыд и позор. Если я буду возить служанок в тюрьму напрямую из поместья Стэплфордов, это не лучшим образом скажется на репутации всего семейства. Кто-то может возразить, что девушку еще не наняли, но люди-то ведь любят поболтать, и подлинные факты их мало заботят. Пойдут слухи, а там уже никто не разберет, где правда, где неправда.

Миссис Дейтон прижала ладони к щекам:

– Ох, сержант Дэвис, и не говорите! Начнут со служанки, а закончат пересудами о хозяйке. Многие только того и ждут.

Мне показалось, они немного переигрывают, но миссис Уилсон купилась. Она шагнула в кухню:

– Эфимия принята на работу. Я только что удостоверилась, что для нее приготовили комнату.

Я, вероятно, слишком широко заулыбалась, потому что старая карга добавила:

– Пока мы берем тебя на испытательный срок. На две недели.

Теперь я кротко опустила взор и промолвила:

– Да, миссис Уилсон. Конечно, миссис Уилсон. Буду стараться изо всех сил, чтобы заслужить ваше одобрение, миссис Уилсон.

– Мэри проводит тебя наверх, когда полицейский с тобой закончит. Будьте любезны, сержант, следуйте за мной – я нашла пустую комнату для снятия показаний, как вы просили.

– Что ж, Эфимия, – сказал сержант Дэвис, – прошу. Послушаем, как вы нашли труп.

К моему удивлению, комната, выбранная экономкой в качестве рабочего кабинета для полиции, находилась наверху, среди апартаментов для господ, но потом я подумала – это потому, что Дэвис захочет поговорить с людьми всех чинов и рангов. Комната была над холлом – маленькая, квадратная, с единственным окном, выходившим на подъездную аллею. Там стояли письменный стол-конторка, обычный небольшой стол, три деревянных стула и вешалка. Маленький железный камин оказался чистым и пустым. Было очень холодно.

– Полагаю, это подойдет для ваших нужд, сержант, – сказала миссис Уилсон, показывая нам комнату, и это было утверждение, а не вопрос.

– Отлично подойдет, миссис Уилсон. Думаю, вы немало потрудились, чтобы привести гардеробный закуток в надлежащий вид – вынесли верхнюю одежду, принесли мебель...

Миссис Уилсон слегка порозовела.

– Я не привыкла принимать в доме полицию, сержант.

– Рад это слышать, мэм. Теперь вам осталось только раз-

жечь камин. Неизвестно, когда сюда доберется следователь из Скотленд-Ярда. В Скотленд-Ярде они такие, мэм. Важные шишки.

– Я пришлю кого-нибудь, – произнесла миссис Уилсон голосом, от которого – могу поклясться – оконные стекла покрылись инеем.

Когда она удалилась, я взглянула на сержанта Дэвиса с еще большим уважением.

– Итак, мисс, хватит уже улыбаться мне от уха до уха. Садитесь здесь и постарайтесь настроиться на серьезный лад, пока я освежу в памяти свои записи. Ага... – Он извлек из кармана брюк записную книжку – уголки страничек замялись, и сержант принялся аккуратно их разглаживать. Пока он читал, прибежала посудомойка с ведерком угля и хворостом. Вскоре в камине весело загудел и защелкал сухими ветками огонь.

Сержант Дэвис попросил меня рассказать с самого начала. Он внимательно слушал, изредка задавая вопросы, кивал в нужных местах, подбадривая меня, и время от времени одобрительно хмыкал. Поначалу я робела, но после неуверенного вступления слова полились из меня бурным потоком. К моему удивлению, своим рассказом, и особенно в присутствии такого дружелюбного слушателя, я словно сняла с души груз, о котором еще несколько минут назад и не задумывалась.

Сержант Дэвис вскинул бровь, когда я говорила о том, как миссис Уилсон отправила меня чистить ковер в библиотеке.

– Это все потому, что я вымокла под дождем, – смущенно объяснила я, и он просто кивнул, но в его глазах читались сочувствие и понимание.

Как и большинство людей, я была уверена, что сельские полицейские, мягко говоря, умом не блещут, и пока не видела оснований считать сержанта Дэвиса гением, но слушал он очень внимательно и много записывал по ходу моего рассказа.

Я уже перешла к заключительной части и говорила о том, как мы с мисс Ричендой взяли покойника за ноги, как вдруг сержант перестал записывать и вскинул руку:

– Вы перенесли тело?

– Ну да. Я же сказала, что нашла его у входа в коридор для прислуги.

– Значит, вы споткнулись о него не в тот момент, когда отодвигали стенную панель?

– Нет.

– Вы уверены, мисс?

– Абсолютно уверена. Чтобы перетащить его из коридора в библиотеку, нам обоим понадобилось приложить немало усилий. Я сильнее, чем кажусь, а мисс Риченда выше меня.

Сержант Дэвис закрыл глаза, будто от внезапного приступа мигрени, и потер переносицу.

– То есть, как я понимаю, две юные леди... очень сильные юные леди, не отличающиеся брезгливостью и малодушием, просто взяли труп за ноги и оттащили его по полу футов этак

на десять?

– Скорее на двадцать.

– Кто первым предложил переместить тело?

– Не могу сказать точно... – задумалась я. – Вроде бы мисс Риченда. Она хотела получше его рассмотреть при свете. Мне это показалось хорошей идеей.

– Хорошей идеей? – изумленно переспросил сержант. И неожиданно хлопнул ладонью по столу, рывкнув: – Вы что, никогда не слышали, что на месте преступления ничего нельзя трогать, особенно труп?!

Я вздрогнула – настолько внезапной была смена его настроения, – но ответила, как мне казалось, очень убедительно:

– У меня мало опыта в... общении с трупами.

– Мало? Но есть? – насторожился сержант, который, как предполагалось, не мог быть интеллектуалом. – И сколько же трупов вы уже обнаружили, мисс?

– Всего два, – призналась я, в очередной раз проклиная воспитание, не позволявшее мне врать.

В глазах полицейского мне почудилось откровенное подозрение.

– А второй кто?

– Преподобный Иосия Питер Мартинс из прихода Суитфилд. Он умер от естественных причин. Упал лицом в баранину с луком. – Разум кричал мне заткнуться, но язык молл и не останавливался. – Никакие подозрительные обсто-

ательства с его смертью не связаны. Можете проверить.

– Непременно так и сделаю. Выходит, вы служили у подобного Мартинса горничной? Или кухаркой?

«Господи боже мой, ну вот и попалась, – подумала я. – Если сейчас скажу правду, выставлю себя не просто мошенницей, а самой главной претенденткой на роль убийцы». В конце концов, я оказалась в поместье почти случайно, всего лишь по приглашению на собеседование, и убийство произошло сразу после моего приезда. Даже себе самой я казалась подозрительной личностью.

– Я жила там, но у меня не было обязанностей кухарки, – сказала я, мысленно взмолившись о прощении для моей бесмертной души за эту полуправду.

У нас действительно была служанка, и это она нашла моего отца мертвым за столом. Оставалось только надеяться, что сержант не станет проводить такое уж подробное расследование в доме викария, который все уже покинули, или что настоящего убийцу найдут в ближайшее время.

В тот момент я решила помогать полиции изо всех сил. Было бы нелепо чувствовать ответственность перед найденным мною мертвым человеком – и все же я чувствовала нечто подобное, к тому же сейчас, когда у меня появилось время все обдумать, я устыдилась того, что мы так грубо оттащили его в библиотеку, держа за ноги. Но главное – в моих интересах было найти убийцу как можно скорее, чтобы не допустить слишком подробного расследования моего соб-

ственного прошлого.

Вдруг внизу, без звонка, с треском распахнулась входная дверь, и кто-то ворвался в дом – мы услышали быстрые шаги по холлу.

– Холдсуорт! Уилсон! Позовите миледи! Все сюда! Что творится в моем доме? Я требую объяснений!

Сержант захлопнул записную книжку и отложил ее.

– Мы еще продолжим разговор, мисс. – Он кивнул на дверь, и я молча выбежала в коридор.

Памятуя о том, что не следует попадаться на глаза хозяйкам, я осторожно спустилась в холл и притаилась за каким-то огромным растением, высоко поднимавшимся над латунной кадкой, начищенной до блеска. Оттуда я прекрасно видела в просветах между листьями владельца поместья, громогласно созывавшего домочадцев.

Лорду Стэплфорду было, наверное, слегка за шестьдесят, но, судя по энергичной походке, на здоровье он не жаловался. Когда он подошел ближе и принялся расхаживать совсем рядом с моим укрытием, я почувствовала исходящий от него запах одеколона и сигар. Еще выяснилось, что он не высокий, как мне показалось вначале, а примерно одного роста со мной, приземистый, с мясистым лицом человека, не отказывающего себе в свежем мясе и хорошем вине. Лицо его все гуще багровело с каждым новым воплем, особенно нос, и теперь владелец поместья напоминал мне быков с фермы, находившейся по соседству с домом викария, – быки

не менее оглушительно ревели, если им вовремя не задавали корм. Но не в пример быкам, щеголявшим густой коричневой шерстью на загривках, череп лорда Стэплфорда был покрыт жиденькими темными волосками, гладко прилизанными каким-то средством, наверняка очень модным. Глаза у него были маленькие, глубоко посаженные, почти неразличимые между нависшими бровями и мощными челюстями. Жировые складки на шее неприятно нависали над воротничком, но одежда и туфли отличного качества были в идеальном порядке.

Первым на зов явился Холдсуорт. Он нечеловечески быстро ступал по плиткам пола, однако никто не осмелился бы сказать, что дворецкий несется сломя голову – скорее это было стремительное скольжение. В руках он держал серебряный поднос с большим бокалом виски. Холдсуорт остановился как вкопанный перед лордом Стэплфордом, тот схватил бокал, опустошил его одним глотком, вернул на поднос и снова принялся метать громы и молнии во все стороны.

– Какой-то дурень позвонил мне в контору и сказал, что в моем доме убийство!

– Вероятно, это был я, сэра, – с достоинством сообщил Холдсуорт и поклонился так, что поднос не потерял равновесия и бокал с него не соскользнул. – Боюсь...

Мы так и не узнали, чего боится дворецкий, потому что в этот момент на галерее показалась мисс Риченда.

– Папочка, дорогой! – закричала она, торопливо спуска-

ьясь по ступенькам. – Знаю, ты предпочел бы, чтобы я использовала какое-нибудь женственное словечко вроде «ужасненько» или «кошмарненько», но, поверь, не могу! Потому что я пришла домой и нашла труп! Ну разве не *обалденно*?

– «Обалденно»?! – взревел лорд Стэплфорд. – «Обалденно»! Для чего я отправляю тебя в Швейцарию? Для того чтобы ты научилась вести себя прилично, а ты ведешь себя, ведешь себя...

– Неприлично? – подсказала Риченда, спрыгнув с последней ступеньки, подбежав к отцу и чмокнув его в щеку.

– Так, значит, именно тебе я обязан всей этой катавасией?

– Какой катавасией, папа?

– Сюда понаедет лондонская шушера!

– Это не шушера, папа. Это полиция. Они будут проводить расследование. Обалденно!

– Боже милостивый, дочка! Ты хочешь умереть старой девой? Да на тебя ни один мужчина не позарится, даже если я ему приплачу!

Риченда вспыхнула:

– Ты говоришь ужасные вещи!

– А, то есть ты все-таки не оставила надежд на замужество? А на что жениха ловить собираешься? На мои деньги? Рассчитываешь привести в мой дом какого-нибудь лоботряса? Так вот, говорю тебе раз и навсегда: ничего ты от меня не получишь, пока не научишься вести себя как надо! Ничего! И вообще я не желаю видеть тебя в моем доме! Убирайся

вон, черт побери!

– Как скажешь, папочка. Только когда станешь совсем стареньким, седеньким, одиноким и впадешь в маразм, не забудь, что ты сам меня выгнал!

– Когда впаду в маразм, я вообще обо всем забуду! – рявкнул лорд Стэплфорд. – Глупая девчонка! Не пытайся спорить с мужчинами, Риченда, у тебя мозгов на это не хватит!

– Ненавижу тебя! – выпалила Риченда. – Лучше бы ты умер!

Лорд Стэплфорд повернулся к дочери спиной:

– Кстати, Холдсуорт, что там за история с покойником?

– Если позволите вмешаться... – подал голос полицейский, невозмутимо наблюдавший семейную сцену, стоя чуть поодаль. – Я сержант Дэвис из местного отделения полиции. Меня прислали сюда начать расследование, пока мы ждем важную персону из Скотленд-Ярда.

– Важную персону из Скотленд-Ярда? – тупо повторил лорд Стэплфорд.

– Должен с прискорбием сообщить, сэр, что почтенный⁴ Жорж Пьер Лафайетт найден мертвым в вашем доме... – Сержант сверился с записной книжкой, – некой Эфимией Сент-Джон, вашей молодой служанкой, вскоре после того, как семья села ужинать.

– Что за чушь? – возмутился лорд Стэплфорд. – У нас нет служанки с таким именем! А Лафайетт есть, да. Это племян-

⁴ *Почтенный* – в Великобритании титулование детей пэров.

ник моей первой супруги, сын ее сестры. Я видел его пару дней назад в клубе, и он был в добром здравии.

– К сожалению, это уже не так, сэр.

Следующие слова лорда Стэплфорда я не услышала из-за острой боли в правом ухе.

– Любопытным деткам пора в кроватку, – шепнула мне в то же ухо миссис Уилсон и, не отпуская его, выволокла меня из-за кадки на свет божий. Одарив собравшихся в холле любезной улыбкой, она протащила меня под их изумленными взглядами через всё помещение к двери на лестницу для прислуги. И если я надеялась, что число свидетелей моего позора ограничится лордом Стэплфордом, мисс Ричендой и Холдсуортом, я сильно ошибалась.

К тому времени, как мы добрались до мансардного этажа, мое ухо горело и пульсировало. Наконец миссис Уилсон открыла дверь какого-то чулана и втокнула меня в черный проем.

– Тебя разбудят на рассвете для работы по дому перед завтраком, – буркнула она, и дверь захлопнулась у меня за спиной.

В чулане было темно, но из маленького оконца падал тусклый лунный свет, и когда зрение к нему приноровилось, я огляделась и поняла, что теперь это будет моя комната. Еще быстрее выяснилось, что потолок здесь нестандартной высоты – я почувствовала это собственной макушкой. Недоумевая, как это в таком современном доме со всеми новей-

шими удобствами не позаботились сделать приличное жилье для слуг вместо этого чердачного закутка, я тяжело опустилась на узкую кровать. Думать об этом дальше не было сил – день у меня выдался долгий, полный приключений и потрясений, а попросту говоря, кошмарный. Поэтому я скинула верхнюю одежду, обувь и легла, закутавшись в тонкое одеяло. Моя матушка была бы в шоке, но даже если миссис Уилсон снизошла до того, чтобы попросить кого-нибудь принести в эту комнату мои вещи, я не собиралась искать их в темноте, рискуя получить пару синяков и шишек только ради того, чтобы переодеться.

Едва я начала немного согреваться в своей жалкой постели, откуда-то послышались рыдания. И можно себе представить, в каком угнетенном состоянии пребывал мой разум, если первой мыслью, пришедшей в голову, была мысль о том, что миссис Уилсон по причине сугубой зловредности отвела мне единственную в доме комнату с привидениями.

– Пожалуйста, замолчите, – пробормотала я. – Вы зря тратите время, потому что я не верю в привидения. – И натянула одеяло на голову. Потом передумала, высунула нос и добавила для ясности: – Мой папа был викарием, так что я в таких делах понимаю.

Рыдания, однако, не стихли.

Тогда я со вздохом села на кровати и попыталась определить источник звука. Похоже, он был где-то за стеной справа. Встав и накинув на плечи одеяло – для тепла и ради при-

личий, – я открыла дверь и вышла в коридор. Там стояла кромешная тьма, но меня в моем полусонном состоянии это уже не волновало, я плохо отдавала себе отчет в своих действиях и потому решительно распахнула первую попавшуюся по пути дверь, рассудив остатками здравого смысла, что в этой части мансардного этажа нет мужских комнат. Передо мной был бельевой шкаф – это стало ясно, когда мне на голову посыпались полотенца, после того как я шагнула внутрь и врезалась в полки. Дальше я шла уже с большей осторожностью. Остановилась у следующей двери, прислушалась и, различив приглушенные всхлипывания, тихо постучала.

– Тут есть кто-нибудь? – спросила я, чувствуя себя второсортным медиумом.

– Это ты, Эфимия? – раздался за дверью голос Мэри. – погоди минутку.

Последовали шаги, скрежетнула задвижка, и дверь открылась. Заплаканная Мэри подняла повыше зажженную свечу в подсвечнике и спросила:

– Ты заблудилась?

– Нет, меня поселили в соседней комнатушке.

Мэри попыталась тыльной стороной ладони утереть слезы, но только размазала их по щекам.

– Извини, – смутилась она. – Сегодня был на редкость неудачный день.

– Почему ты плакала?

– Так ведь убийство и все такое...

– По-моему, тут что-то еще.

Мэри, видимо, поняла, что просто так я от нее не отстану, поэтому схватила меня за руку и втащила в комнату. Ее ногти ощутимо впились мне в локоть. Похоже, в этом доме у всех дурная склонность хватать людей за разные части тела и куда-нибудь тащить. А может, это было мне наказание Господне – за то, как я обошлась с покойным Жоржи и его ногой.

– Заходи скорей. Если Уилсон нас застукнет – выгонит обоих.

Комната Мэри, судя по всему, мало чем отличалась от моего чулана, как я себе его представляла. Здесь было повеселее, конечно, но только благодаря свету. На полочке над умывальником стояли несколько почтовых открыток, на одной я рассмотрела Эйфелеву башню. Мэри, проследив направление моего взгляда, тотчас подровняла стопку так, что эта открытка исчезла из виду.

– Ты была влюблена в Жоржа Лафайетта, да? – догадалась я.

Мэри несколько секунд смотрела на меня с вызовом, потом закусила губу и кивнула. Она была очень хорошенькой и достаточно обаятельной, чтобы привлечь внимание молодого человека из высшего общества. Я мысленно обрушила проклятия на голову мертвеца.

– Ты попала из-за него в беду, Мэри?

Она вздернула подбородок:

– Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь? Я не такая! Мы с мистером Жоржи были просто друзьями.

Должно быть, сомнение отразилось у меня на лице, потому что она возмущенно продолжила:

– А что? Не веришь? Ты такая же испорченная, как мистер Холдсуорт! У мисс Риченды свои непонятные взгляды... А мистер Жоржи сказал мне, что его не волнует мое общественное положение! Еще он сказал, что я очень соблазнительная и в два раза красивее всех великосветских девиц, которых он встречал. Что тут дурного?

Мэри определенно выросла в сельской местности, но мне пришло в голову, что она, в отличие от меня, никогда не бывала на фермах и ничего не знала об отвратительных поведенческих самцов домашнего скота. Она и правда могла не понимать, «что тут дурного».

– А что вы делали с мистером Жоржи?

– Разговаривали. Он интересовался, какую работу мы выполняем по дому, и считал, что меня не ценят.

– А еще что?

– Ничего.

– Мэри...

– Ничего! Клянусь!

Мне было ясно, что она лжет.

– Мэри, что вы еще делали?

– Ох, ну ладно. Он меня поцеловал. Один раз. И немедленно извинился! Сказал, что стыдится своего поступка, но

просто не смог совладать с собой, потому что я очень милая. Сказал, я для него как младшая сестренка.

– Он что, целовался с сестрами? – ужаснулась я.

– Да нет же, у него вообще нет родных сестер. Он имел в виду, что мы с ним родственные души. Мистер Жоржи много путешествовал и присылал мне открытки со всех концов света, из тех мест, куда он обязательно свозил бы меня, если бы все было по-другому. Но он просил не отчаиваться, говорил, если мы сумеем доказать, что наша нежная привязанность прочна, тогда общество забудет о том, что я служанка.

– И как именно вы собирались это доказывать?

– Не знаю. Он умер и не успел мне объяснить... – Мэри снова начала всхлипывать, и я едва успела выхватить у нее из рук свечу, прежде чем девушка рухнула на кровать и забила в рыданиях.

Мне было ясно: пройдет еще немало времени, прежде чем Мэри поймет, от какого жестокого, беспощадного будущего спасло ее произошедшее в доме убийство. И вместо того чтобы убеждать бедняжку в том, что на самом деле смерть обожаемого ею мистера Жоржи для нее благо, я просто сидела рядышком, держала ее за руку и говорила всякие глупости – мол, он умер мгновенно, без мучений, и, если она действительно была ему дорога, не хотел бы знать, что она несчастна... Наконец Мэри перестала всхлипывать и крепко заснула.

Оставляя горящую свечу в комнате спящего человека

было опасно, поэтому я взяла ее с собой, подумав к тому же, что со светом скорее доберусь до чулана и заодно избавлю себя от лишних шишек и синяков, перед тем как окажусь в желанной постели.

Я чуть не падала от изнеможения, открывая дверь чулана, и не думала ни о чем, кроме кровати и блаженного сна.

Ледяной сквозняк задул свечу через секунду после того, как я успела рассмотреть в ее свете, что в моей комнатке кто-то побывал – вещи были разбросаны, окно открыто.

Глава 4

Загадки архитектуры

– И тебе не пришло в голову, Эфимия, что неплохо бы разбудить остальных домочадцев?

– Я подумала, невелика беда, – тихо проговорила я. Только что мне открылось, каким импозантным и величественным может быть человек в безупречно сидящем костюме дворецкого. Это был уже совсем не тот мистер Холдсуорт, которому я наступила на ногу в кухне.

– Сдается мне, мисс Сент-Джон, что голову вы и вовсе где-то обронили. – Дворецкий саркастически вскинул бровь – и в этом фирменном элементе актерской игры было столько мужественности, что при других обстоятельствах я сочла бы его безумно привлекательным. – Нашей Мэри я непременно простил бы подобную глупость, но ты – совсем другое дело, к тебе и счет другой.

Этот, по сути, комплимент прозвучал как пощечина.

– Да, мистер Холдсуорт.

Через несколько минут я уже была в библиотеке – меня в прямом и переносном смысле вызвали на ковер. Пришлось лепетать объяснения сержанту Дэвису, пока тот осматривал место, куда мы с мисс Ричендой перетащили труп. Ширма, которой ранее отгородили запятнанный кровью участок ков-

ра, теперь одиноко стояла у стены рядом с большим камином.

Сержант был явно не в духе, и мое молчание ему не понравилось еще больше, чем Холдсуорту.

– А вы не подумали, мисс, что грабитель, рывшийся в ваших вещах, мог быть еще в доме, когда вы вошли в свою комнату?

– Он мог всех нас перерезать в постелях! – выпалила миссис Уилсон, которая без приглашения явилась в библиотеку под предлогом того, что она за меня отвечает. На самом деле я видела по злым вороньим глазкам, что она ищет любой предлог выставить меня из поместья.

– Ну это вряд ли, миссис Уилсон, – заметил мистер Холдсуорт. – Скорее хозяева могли лишиться фамильного серебра.

Я благодарно ему улыбнулась.

– А это было бы тяжкое преступление, – добавил дворецкий, сурово нахмурившись в ответ на мою улыбку.

– Наверное, она была в сговоре с грабителем! – снова влезла миссис Уилсон. – Иначе подняла бы тревогу!

Все взгляды скрестились на мне. Из кресла, повернутого спинкой к центру комнаты, поднялся до сих пор ничем не выдававший своего присутствия мистер Бертрам и сказал:

– Это очень серьезное обвинение, миссис Уилсон.

– С сожалением должен признать, что главная служанка может оказаться права, – заявил сержант Дэвис.

– Экономка! – сердито поправила его Уилсон.

– Так или иначе, вам, мисс Сент-Джон, лучше объяснить-ся, – не обратил на нее внимания сержант.

Я была готова защищать собственную ложь, но обвинение в том, в чем я была совершенно невиновна, заставляло меня «принять стойку с упором на заднюю ногу». (Так говорил мой отец, имея в виду, что кому-то приходится обороняться в невыгодной позиции; наверное, он позаимствовал это выражение у боксеров. Звучит грубовато, однако в тот момент оно вполне соответствовало ситуации, в которой я оказалась: мне предстояло сражаться не только за работу, но фактически за свою жизнь. К счастью, сражаться словами, а не ударами – малыш Джо однажды сообщил мне, что я даже кулак не могу сжать как следует.) Стыдно сказать, я пустила в ход обычное оружие слабого пола: закрыла лицо ладонями. Мне ничего не известно об актерской игре – в отличие от народных песен, это не тот предмет, который одобрен к изучению дочками викариев, – но кажется, мне удалось издать парочку достоверных всхлипов:

– Как вы могли такое подумать, миссис Уилсон? Я приехала сюда по вашему письменному приглашению, потому что мне очень нужна работа – у меня семья на попечении, без моего жалованья мы не проживем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.